

Бай По даже не догадывался, что его нынешний наряд не просто развлекал спутника, но и всколыхнул в глубине его души некие темные желания. Зная об этом, непременно отложил бы побег и задержался в Сучжоу еще на пару дней.

Но история не знает сослагательного наклонения. Стоило накинуть на голову красную вуаль, как обрядовая сваха повела его сквозь анфиладу дверей. У каждого порога она замирала и задавала церемониальный вопрос, на который юноша лишь едва слышно угукал в ответ. Именно поэтому Ван Шо так легко подбил его на эту авантюру. Бай По, хрупкий и тонкокостный, обладал к тому же нежным детским голоском — со стороны и не разберешь, парень перед тобой или девица. Окажись на его месте сам Ван Шо, он погорел бы на первом же слове: ладный мужской стан и глубокий, бархатистый голос выдали бы его с головой.

Даже очутившись в свадебном паланкине, Бай По всё ещё пребывал в глубоком смятении. Его... выдают замуж как девицу? Потеребив подол алого свадебного одеяния, он невольно приоткрыл рот от изумления. Надо же, его обрядили невестой! Сдернув душное покрывало, юноша ущипнул себя за щеку.

«Дурной сон, просто дурной сон», — лихорадочно твердил он про себя.

Если весть о его позоре докатится до секты и долетит до ушей других старейшин, как он, Старейшина Управляющий Душами, после этого вообще сможет смотреть им в глаза? О каком уважении тогда говорить?

Изначально он планировал, едва выбравшись из Сучжоу, связаться с собратьями по секте и вырезать всю семью Ян под корень, чтобы унять гнев. Но теперь Бай По колебался. Явиться к своим в таком виде? Мало того что придется объяснять, какого черта он вообще забыл на Срединных равнинах, так они еще наверняка примутся расследовать дело Ян и непременно пронюхают, при каких позорных обстоятельствах он покинул город. При одной мысли об этом он скривился. К тому же, если в главном алтаре прознают о его самоуправстве... Оба патриарха секты строго-настрого запретили главам филиалов и старейшинам соваться в Срединные равнины без прямого приказа. Его же просто казнят в назидание остальным! А становиться жертвенным агнцем он не собирался.

Да и ту старуху он так и не нашел — как возвращаться назад несолоно хлебавши? Коснувшись груди, юноша помрачнел: засевшие там Иглы, запечатавшие душу, ежесекундно напоминали о перенесенном унижении. Вспомнив главного виновника всех своих бед, он со скрежетом процедил:

— Ван Шо!

— Звал? — тут же раздался из-за стенки паланкина приятный голос.

Приподняв плотную парчовую занавеску, Бай По ледяным тоном спросил:

— А ты что здесь делаешь?

— Охраняю тебя, конечно же, — беспечно рассмеялся Ван Шо, начисто проигнорировав зловещую мину спутника.

— Тебе жить надоело?

Почувствовав, что атмосфера в паланкине накалилась до предела, Ван Шо наконец поумерил веселье. Склонившись к самому окошку, он вкрадчиво прошептал:

— Я разведаль дорогу. Впереди небольшой городок, свадебный кортеж наверняка остановится там на ночлег. Тогда и сделаем ноги.

Его теплое дыхание коснулось уха, и Бай По против воли вспыхнул. Отшатнувшись вглубь паланкина, он уже гораздо спокойнее буркнул:

— Ночью придешь ко мне.

— Смотри, от таких приглашений я ведь могу и превратно тебя понять, — усмехнулся Ван Шо.

Бай По лишь раздраженно задернул занавеску, обрывая разговор. Он ловил себя на том, что начинает привыкать к вечным двусмысленным шуточкам этого несносного парня. Когда тебя из раза в раз безнаказанно изводят, волей-неволей мозоль нарастет.

«Привычка — страшная сила», — с толикой досады подумал он.

Глядя на упавшую занавеску, Ван Шо натянул поводья и устремил взор на дорогу. Он всё еще усмехался, но в его взгляде появилась холодная, расчетливая тень.

Глубокая ночь укрыла городок тишиной. Шумный свадебный поезд, переполошивший местных обывателей, наконец уgomонился. Сопровождающие облюбовали лучшую в округе гостиницу и разошлись на покой. Утомительный дневной переход выжал из людей все соки: оставив у телег с приданным пару караульных, остальные мгновенно провалились в сон. У дверей «невесты» тоже выставили часового, но парень уже вовсю клевал носом. Бесшумная тень скользнула из полумрака — и короткий, выверенный удар ребром ладони уложил слугу наповал. Ван Шо перехватил обмякшее тело, бережно прислонил его к стене, создавая иллюзию безмятежного сна, и тихо толкнул дверь.

Как и следовало ожидать, Бай По давно избавился от тяжелого свадебного убора. Иссиня-черные пряди были небрежно перехвачены простым шнурком, а сам он сидел у стола. В

тусклом пламени масляной лампы его алый наряд казался зловещим и манящим одновременно, рождая ощущение зыбкой, туманной полуреальности. Ван Шо невольно застыл на пороге, залюбовавшись этой картиной.

Заметив его оцепенение, Бай По презрительно фыркнул:

— Ты, оказывается, махать кулаками умеешь?

Даже с запечатанными силами его обостренный слух без труда уловил приближение спутника. Бай По по звукам за дверью безошибочно понял, как именно тот уложил часового.

Голос юноши вывел Ван Шо из оцепенения. Он покачал головой с горькой усмешкой, мысленно дивясь самому себе. Словно бес попутал! Подумаешь, смазливый мальчишка. Будто он мало повидал на своем веку признанных красавиц и утонченных юношей? С чего вдруг этот строптивец раз за разом лишает его привычного самообладания?

Поймав на себе требовательный взгляд Бай По, он примиряюще развел руками:

— Так, нахватался по верхам. В дороге всякое случается, нужно же уметь постоять за себя.

— Чепуха, а не приемы, — фыркнул Бай По с привычным высокомерием.

Даже теперь, когда проклятые Иглы запечатали его меридианы, придушить этого хвастуна для него не составило бы труда. Впрочем, спросил он скорее из праздного любопытства: ему и без того было известно, что тело Ван Шо чисто от внутренней силы — ни капли ци.

Ван Шо ничуть не обиделся на пренебрежительный тон. Он бросил на стол увесистый узел:

— Вот, переодевайся.

Бежать в кричащем наряде новобрачной было бы верхом глупости. Но, развернув плотную ткань превосходного качества, Бай По недовольно нахмурился:

— С чего вдруг белое?

Сам Ван Шо щеголял в практичном черном дорожном костюме, а ему притащил просторный светлый халат.

— Наша первая встреча... ты ведь тогда тоже был в белом, — мягко пояснил тот, пропустив раздражение мимо ушей.

— И по-твоему, в этом саване удобно пробираться по ночным подворотням? — в детском голоске юноши зазвенели гневные нотки.

Ван Шо не спеша опустил руки и заглянул ему в глаза:

— Мне нравится, когда ты в белом.

— Что?.. — растерянно переспросил Бай По, приоткрыв губы.

— Мне нравится, — твердо повторил Ван Шо и, лукаво прищурившись, улыбнулся.

Изумление, секундное замешательство, а следом — глухая ярость. Бай По в упор уставился на наглого спутника. Пальцы его правой руки заходили по краю столешницы. Это была его давняя привычка: обычно он перебирал любимый нефритовый флакон с ядами, но сейчас, за неимением оного, приходилось довольствоваться деревом.

Убить его? Прямо здесь, на месте?

Нет, затевать распрю сейчас — верх безрассудства. Разум и уязвленная гордость сошлись в нешуточной схватке.

Бай По вдруг поймал себя на мысли, что его нынешние метания до боли напоминают поведение Небесного патриарха, когда тот ловил его или других старейшин на нарушении устава. Неужели владыка тогда тоже разрывался между желанием прихлопнуть их на месте и холодной необходимостью побережь ценные кадры? От этой внезапной догадки спину юноши прошиб холодный пот.

Наблюдать за тем, как на округлом лице Бай По сменяют друг друга самые причудливые эмоции, было делом на редкость занимательным. Особенно когда тот ушел в свои мысли, и физиономия его приобрела совершенно кислый вид. Ван Шо, конечно, не догадывался, какие мрачные думы одолевают беглеца, но поймал себя на мысли, что созерцание этого взъерошенного юноши удивительным образом поднимает ему настроение.

Разозлившись до предела, Бай По вдруг кротко улыбнулся. Ван Шо не успел почуять неладное, как юноша резким взмахом руки на расстоянии запечатал его точки.

Оставив остолбеневшего пособника статуей застыть посреди комнаты, Бай По сгреб сверток с вещами и зашел ему за спину. Раздался сухой шорох снимаемой парчи. Когда шуршание утихло, невидимый щелчок вернул Ван Шо способность двигаться. Обернувшись, он увидел, что перед ним стоит юноша, облаченный в безупречно белый просторный халат.